

Когда они вернулись на дворцовый пир, правитель Ся, что было редкостью, не предавался винным утехам, а сидел на возвышении, озабоченный. Увидев Цэнь Цзибая, его лицо всё же просветлело.

Госпожа Чжоу тотчас встала, помрачнев. — Куда это ты пропадаешь в такую ночь? Совсем правил не знаешь, ты... — Заметив неодобрительный взгляд правителя Ся, она сменила гнев на тревогу:

— Ты заставил отца и мать так переживать...

Правитель Ся промолвил:

— Ребёнок ещё, вернулся — и ладно. — Правитель Ся пребывал в затруднении: наказывать Сун Сяоси он не хотел, Линь Цзиня — не мог, а своего сына, Цэнь Цзибая, который и виноват-то не был, — несправедливо.

Он махнул рукой, и на сцену вышли танцовщицы, зазвучала музыка.

Однако взгляд правителя Ся, скользя поверх танцующих фигур, упёрся в сидевшую пониже Шангуань Тэна Шангуань Мяо.

Цэнь Цзибай тоже бросил туда взгляд. Шангуань Мяо была и впрямь красавицей — чистота, смешанная с неуловимо соблазнительной прелестью. Но раз уж она намеренно выставляла себя напоказ, то эта мнимая невинность была лишь уловкой.

Госпожа Юй не могла скрыть торжества, госпожа Чжоу же оставалась невозмутимой. Сегодня вечером она уже однажды навлекла на себя недовольство правителя Ся, не стоило и не было нужды снова показывать неприязнь.

Линь Цзинь, заняв своё место, получил от отца несколько колких слов, но госпожа Линь заслонила его собой, сердито сверкнув глазами на Линь Шу и что-то прошептав.

Великий генерал Линь приоткрыл рот, словно хотел возразить, но в итоге промолчал.

В последнее время в семье Линь дела обстояли не лучшим образом. Второй сын, Линь Ду, тяжело переносил зимние холода, а в этом году ему было хуже, чем обычно. Лекари лишь разводили руками. Линь Ду уже падал в обморок во дворе, а потом начал кашлять кровью; Линь Шу был вечно занят; Линь Юань оставался на северных рубежах; младшие же братья были ещё слишком малы. Все заботы легли на плечи госпожи Линь.

Старший сын, взрослый, не жил дома, проводя дни среди клинков и стрел на границе. Линь Ду был слаб здоровьем, а Линь Сюнь — отчаянный сорвиголова, вечно учинял беспорядки. Лишь Линь Цзинь, хоть и озорной, был разумен и не доставлял особых хлопот, пока не случилась беда. Госпожа Линь души в нём не чаяла, а уж прокатиться ночью на ипподроме — и вовсе пустяк.

Она окинула Линь Цзиня взглядом — кроме перепачканной одежды, никаких повреждений. Только тогда госпожа Линь немного успокоилась.

Цэнь Цзибай сперва беспокоился, не будет ли Линь Цзинь наказан, но, взглянув на ту сторону зала, успокоился. Собираясь отвести взгляд, он встретился глазами с Линь Цзинем.

Цэнь Цзибай застыл на мгновение, вспомнив слова Линь Цзиня о том, что он избегает его.

Откуда Линь Цзинюнь знает? Неужели он умел читать мысли?

Очнувшись, он увидел, что Линь Цзинюнь уже сидит за столом и ужинает.

Цэнь Цзибай не понимал, что Линь Цзинюнь имел в виду тогда. На душе стало пусто и тревожно.

С другой стороны, Линь Цзинюнь был цел и невредим. Одно это перевешивало любые догадки.

Пусть Линь Цзинюнь раздражён им, пусть ненавидит — лишь бы с ним всё было хорошо.

После праздника Фонарей всё вернулось в привычное русло.

Маленький Цэнь Цзибай не имел влияния при дворе, и никто не спрашивал его о государственных делах, поэтому он продолжал играть роль беззаботного дитяти. Праздник Юаньсяо совпадал с его одиннадцатым днём рождения. Госпожа Чжоу устроила скромный пир, на котором присутствовали Линь Сюнь и Сун Сяоси, что отличалось от прошлой жизни. В той жизни Сун Сяоси не жил подолгу во дворце и не был близок с Цэнь Цзибаем; тогда Линь Сюнь и Линь Цзинюнь, проучив Цэнь Цюэхэ, были наказаны домашним арестом, и Линь Сюнь не мог попасть во дворец.

Сун Сяоси не ладил с Линь Сюнем и недолюбливал Линь Цзинюня, но ему нравилась добрая госпожа Линь, величественный и одновременно мягкий Великий генерал Линь, а также весёлый второй брат Линь, умевший его развеселить. Поэтому он частенько навещался в дом Линь.

Если ему случалось ночевать в усадьбе Линь, наутро Линь Сюнь вытаскивал его из-под одеяла и закидывал в повозку, чтобы везти во дворец. Сун Сяоси вечно жаловался, что Линь Сюнь нарушает его сладкий сон, на что Линь Сюнь отвечал:

— Я просто по пути.

Цэнь Цзибай наблюдал, как Сун Сяоси и Линь Сюнь препираются, и этот день рождения оказался куда веселее, чем в прошлой жизни.

После ужина он проводил Линь Сюня из Чертога Цзиншу. Тот вдруг сунул ему в руки маленькую сандаловую шкатулку. Цэнь Цзибай открыл её и увидел шпильку из черного золота. Сердце его ёкнуло. — Что сказал третий брат? — спросил он Линь Сюня.

В прошлой жизни Цэнь Цзибай тоже получил такую шпильку — от Линь Цзинюня. Правитель Ся любил пиры, и в детстве Цэнь Цзибай виделся с Линь Цзинем несколько раз в году. На пиру в честь праздника Дуанью, когда Цэнь Цзибаю исполнилось одиннадцать, Линь Цзинюнь подарил ему эту шпильку, сказав, что благодарен за заступничество во время Юаньсяо.

— Как третий принц узнал, что это от моего третьего брата? — удивился Линь Сюнь.

— Дурак, — буркнул Сун Сяоси, закатив глаза. — Ты свой подарок уже вручил? Кто ещё в вашей семье мог бы подарить что-то Чухэ, разве что первый или второй брат?

Линь Сюнь подарил нефритовую статуэтку, явно выбранную госпожой Линь. Но подарок Линь Цзинюнь был куда более личным.

Линь Сюнь терпеть не мог, когда Сун Сяоси называл его дураком. Из-за этой перепалки он забыл спросить, откуда Цэнь Цзибай знал. Получилось, будто они вдвоём проводили Сун Сяоси

аж до Чертога Вэйлань.

И Цэнь Цзибай так и не узнал, за что Линь Цзинь благодарил его на этот раз.

Но, глядя на шпильку, он отчаянно захотел увидеть Линь Цзиня.

Линь Цзинь не знал о прошлой жизни, но Цэнь Цзибай знал его как облупленного. Если бы Цэнь Цзибай задался целью, он, возможно, смог бы уговорить Линь Цзиня из этой жизни полюбить его и добровольно стать его супругом. Если бы Линь Цзинь в этой жизни стал его супругом, снова подарил бы ему дом... Цэнь Цзибай чувствовал себя подлецом. Он не заслуживал такого счастья.

Линь Цзинь говорил, что Цэнь Цзибай избегает его из-за изуродованного лица, что тот презирает его.

Цэнь Цзибай несколько дней ломал голову, не понимая, в чём дело.

Ему было неважно, если Линь Цзинь его не понимал. Он просто не хотел, чтобы Линь Цзинь из-за своей внешности был несчастен, чтобы с ним случилось что-то плохое.

В прошлой жизни Линь Цзинь пережил слишком много боли, и Цэнь Цзибай хотел, чтобы в этой жизни он жил спокойно.

Он решил, что не должен избегать Линь Цзиня. Он не станет уговаривать его стать его супругом, но может стать ему другом, братом. Ради будущих событий ему необходимо было сблизиться с семьёй Линь. Если он сумеет уберечь старшего брата Линь от гибели, предотвратит ту засаду... Тогда он сможет попросить у семьи Линь кое-какой поддержки, выпросить у своего третьего брата немного внимания. Лишь немного.

Приняв это решение, Цэнь Цзибай так возбудился, что не мог уснуть. Ему не терпелось с утра пораньше примчаться к Линь Цзиню и вдоволь на него насмотреться.

Но наступило утро, потом ещё одно, и ещё... Цэнь Цзибай так и не нашёл подходящего повода навестить усадьбу Линь. И всё ещё не знал, что сказать Линь Цзиню при встрече.

В тот вечер Цэнь Цзибай находился в Чертоге Вэйлань, помогая Сун Сяоси упражняться в каллиграфии, и снова погрузился в мысли о Линь Цзине, ломая голову, как бы завязать разговор. От напряжения он даже поморщился.

— Брат Чухэ, о чём ты думаешь? — Сун Сяоси, подперев пухленький подбородок, уставился на Цэнь Цзибая, наивно моргая.

Цэнь Цзибай вздрогнул и обнаружил, что на бумаге под его кистью расплылось бесформенное пятно. Весь лист с красивыми иероглифами был испорчен.

Сун Чжияо швырнул Сун Сяоси в лоб сосновой шишкой. Тот вскрикнул:

— Ай! — Сун Чжияо же сделал строгое лицо:

— Сосредоточься.

Закончив занятия в Великой академии, Цэнь Цзибай остался в Чертоге Вэйлань, чтобы помогать Сун Сяоси с каллиграфией. Заметив, что Сун Чжияо наблюдает за ним с неким интересом, он убрал кисть и спросил Сун Сяоси:

— Хочешь запустить воздушного змея?

Лицо Сун Чжияо потемнело.

Ветер был попутным, ивы зеленели в весенней дымке. Дети лет десяти — самый что ни на есть игривый возраст.

Сановники имели один выходной день после каждого рабочего — таково было установление правителя Ся. Великая академия же следовала старому обычаю — один выходной в пять дней.

Хотя это был не выходной, Цэнь Цзибай учился хорошо. Он попросил у наставника разрешения и, не таясь, отправился развлечься за пределами дворца. Наставник по фамилии Чжао не хотел разрешать, но, учитывая, что у правителя Ся был прецедент с Цэнь Цзибаем... Отпроситься по другим делам, возможно, не вышло бы, но если отпроситься на гулянье — правитель Ся поддерживал это всем сердцем...

Линь Сюнь принялся трясти бамбуковыми планками, производя шуршащий звук, стараясь привлечь внимание Цэнь Цзибая. Он тоже хотел выйти из дворца.

Цэнь Цзибай подмигнул ему, самодовольно ухмыльнулся и с важным видом покинул дворец в сопровождении Цин Цзюня и Син Ина.

После своего возрождения Цэнь Цзибай впервые ступил на улицы Линъяна. В прошлой жизни он какое-то время часто бродил по ним, и многие места помнил отлично, особенно северо-западную харчевню на Восточной улице.

<http://bllate.org/book/15933/1423899>